

Стрела со свистом рассекла воздух и вонзилась прямо перед ним.

Предчувствуя опасность, Лю Чи вскинул руку — он даже не успел повернуться, как поймал летящую стрелу.

Наконечник глубоко увяз в плоти ладони, но, поскольку Лю Чи перехватил древко совершенно случайно, лезвие не насквозь пробило его руку.

Кровь мгновенно закапала меж его пальцев.

Лю Чи не произнес ни звука, не выказал боли; лишь повернулся к Сун Лэшаню, продолжая крепко сжимать стрелу в руке.

Увидев, что Лю Чи каким-то чудом поймал стрелу, Сун Лэшань лишь покачал головой, отмечая про себя везение парня, после чего с напускным безразличием развернулся и направился обратно в кабинет.

Это выглядело так, будто во время конной прогулки он заметил зайца и между делом пальнул в него: подохнет — ну и отлично, а нет — и чёрт с ним.

Лю Чи тоже повернулся и, делая вид, будто ничего не произошло, продолжил свой путь к парадному входу.

Вот только стрелу из руки он так и не выпустил, а капли крови шлёпали на землю в такт каждому его шагу, оставляя за ним багровый след.

Сегодня утром Хо Цунцзин навестил резиденцию князя Жуя.

К счастью, пострадала левая рука — это не так сильно мешало в быту, позволяя хотя бы не терять самостоятельность. Он велел слугам принести какой-то еды, через силу поел, а затем лег на кровать и закрыл глаза.

Кровь на подоле его одежды уже высохла, превратившись в буро-красные пятна.

Сидя в карете, Лю Чи разжал руку, державшую стрелу, и крепко ухватился за запястье.

До сих пор Двенадцатый принц большую часть времени проводил в общих покоях Императорского Дворца. Однако, в отличие от других братьев, лишенных какой-либо поддержки со стороны семей своих матерей, он благодаря тесным связям с богатыми торговцами никогда не испытывал нужды в серебре.

Лю Чи растерянно сидел на постели, касаясь здоровой рукой пылающего лба — обжигающий жар подсказал ему, что у него поднялась температура.

Кровь из ладони текла всё слабее, но несколько капель всё же успели запачкать подол его белых одежд.

Спустя час Лю Чи, чья рука была туго перебинтована белой тканью, вернулся в Башню Ветра и Луны.

Стоило ему немного остыть, как тело вновь запылало адским жаром, особенно в местах соприкосновения кожи с одеялом. С закрытыми глазами Лю Чи тяжело и прерывисто дышал.

Наконечник оставил на ладони длинный рваный след; края раны расходились, обнажая зияющую глубину, где сквозь кровавое месиво проступали белые кости.

Но Лю Чи лишь отрешенно смотрел на нее, погрузившись в тяжелые мысли.

Он полагал, что сильный жар вряд ли был вызван заражением раны. В конце концов, стрелы, которые Сун Лэшань хранил в своем кабинете, не могли быть «грязными» — это на поле боя солдаты часто вымачивали наконечники в нечистотах ради простейшего и самого надежного отравления.

Только сейчас он сообразил, что даже не снял обувь.

И потому роскошный особняк за пределами дворца, прежде записанный на чужое имя, в одночасье стал резиденцией князя Жуя, вызвав лютую зависть и скрежет зубовный у других принцев, которые всё еще продолжали притворяться безобидными глупцами.

Лю Чи в полусне ворочал эти мысли в голове, его сознание едва теплилось на грани яви и забвения. Тупая боль в левой руке не давала провалиться в глубокий сон, а от жара мозга превратились в сплошное варево.

Свернувшись калачиком под одеялом и зажмурившись, он правой рукой судорожно сжал маленький золотой слиток, висевший у него на шее.

Зрелище раны было поистине ужасающим.

— В медицинскую лавку.

Полежав с закрытыми глазами и ощутив озноб, Лю Чи заставил себя подняться и, ухватившись за край одеяла, попытался укутаться.

Сбросив с себя всю испачканную одежду на пол, он завернулся в одеяло с головой и снова рухнул на постель.

Раненые отравленной стрелой с огромной вероятностью страдали от воспалений, а вызванная ими лихорадка была смертельно опасным недугом.

Визит генерала, подавляющего Восток, к князю Жую сегодня непременно должен был стать для них еще одним тяжелым ударом. То, что Хо Цунцзин открыто встал на сторону Двенадцатого принца, заставит Императора, чей взгляд и без того часто падал на этого сына, обратить на него куда больше внимания.

Услышав о визите Хо Цунцзина, Двенадцатый принц бросил все дела и велел со всеми почестями распахнуть парадные ворота, чтобы впустить генерала внутрь.

Звучало несколько забавно: Двенадцатый принц, как ни крути, носил титул циньвана, в то время как Хо Цунцзин пока оставался всего лишь сяньнанем.

Сяньнань, к которому циньван относился с таким почтением. К тому же с приходом осени Хо Цунцзину предстояло повести войска в поход на Государство Чжао, и по возвращении его статус уже не ограничился бы простым уважением со стороны принца.

Усевшись на места, Хо Цунцзин окинул взглядом Двенадцатого принца — за несколько дней тот успел официально обрести титул князя Жуя — и прямо спросил:

— Я пришел сюда, чтобы расспросить тебя о Лю Чи. Что же до моего визита к тебе — можешь использовать его как тебе угодно.

Улыбка на лице Двенадцатого принца на миг замерла, а затем потускнела. Он посмотрел на гостя:

— И о чем же ты хочешь спросить?

Его невозмутимый тон слегка задел Хо Цунцзина.

— Что тебе о нем известно? — вновь повторил он.

— Всё, — без малейшего колебания ответил Двенадцатый принц.

Это разозлило Хо Цунцзина еще сильнее:

— Тогда выкладывай всё до последнего слова.

— Ну, пожалуй, не всё, — Двенадцатый принц усмехнулся, но, заметив вспышку гнева на лице собеседника, тут же добавил: — Впрочем, ты должен знать, что Лю Чи кое с кем поссорился. Позволь сперва назвать тебе имя этого человека...

— И кто же он? — сжав зубы, процедил Хо Цунцзин.

— Государственный наставник, Сун Лэшань.

Дыхание Хо Цунцзина на секунду оборвалось.

Теперь он прекрасно понимал, почему Князь Увэй говорил, что нынешнему Хо Цунцзину с этим человеком тягаться не по силам.

У Государственного наставника не было реальной власти. Если говорить откровенно, он был лишь придворным алхимиком и гадателем при императоре. Однако Сун Лэшань сильно отличался от тех шарлатанов, что дурили головы людям своими фокусами и ядовитыми пилюлями.

Много лет назад, когда предыдущий император тяжело заболел и лучшие лекари опустили руки, готовясь к трауру, Сун Лэшань — тогда еще ученик прошлого Государственного наставника — сварил таблетку бессмертия, которая чудом продлила жизнь правителя еще на десять лет. Благодаря этому Сун Лэшань и занял пост нового Государственного наставника.

Конечно, те дополнительные десять лет бывший император уже провел не на троне, но перспектива обрести долголетие оставалась величайшим искушением для любого, в чьих руках сосредоточена власть.

Кроме самого Императора, никто не смел тронуть Сун Лэшаня, ведь убийство наставника равнялось сокращению жизни самого правителя на десять лет.

— С чего это вдруг он перешел дорогу Сун Лэшаню? — снова спросил Хо Цунцзин.

Двенадцатый принц сделал глоток чая и с улыбкой пояснил:

— Думаю, тебе известно, что биологическим отцом Лю Чи является маркиз Юнчан. Но вот его мать была продажной девкой.

Хо Цунцзин нахмурился. Какое отношение ко всему этому имеет Сун Лэшань?

Та куртизанка в прошлом была главной красавицей Башни Ветра и Луны. Сун Лэшань тогда был безумно влюблен в нее, но еще не занимался делами наставника. Сама же она страстно желала переступить порог поместья маркиза, а потому в конце концов родила от него Лю Чи.

— Поместье маркиза Юнчана так и не признало ребенка, а спустя несколько лет женщина умерла, — в голосе Двенадцатого принца проскользнула холодность. — И тогда Лю Чи попал в руки Сун Лэшаня, уже ставшего Государственным наставником.

Сун Лэшань, разумеется, затаил смертную обиду на маркиза Юнчана, отнявшего у него возлюбленную. Но ненавидел он и ту упрямую женщилицу. Поскольку до маркиза ему было не добраться, а женщина уже умерла, вся накопившаяся злоба естественным образом перекинулась на Лю Чи.

— Вот почему Лю Чи навлек на себя гнев Сун Лэшаня.

Хо Цунцзин счел это полнейшим абсурдом. Разве это можно назвать причиной для ненависти?

Двенадцатый принц снова отпил чаю и медленно продолжил:

— Сам знаешь, Сун Лэшань больше всего на свете обожает наблюдать, как рушатся судьбы сильных мира сего.

Кое-что об этой странной особенности наставника Хо Цунцзин слышал, но созерцание чужого падения было зрелищем, привлекающим едва ли не каждого. Пока беда не касалась их лично, люди охотно зевали на чужих руинах.

Однако до конца осознать всю глубину извращенных вкусов Сун Лэшаня он еще не успел.

— И вот, заполучив такую новую игрушку в лице Лю Чи, он решил, что банальных издевательств мало, и сделал его компаньоном принцев по учебе.

Хо Цунцзин нахмурился и перебил его:

— Разве место компаньона принцев так легко получить?

— Отец Лю Чи — всё-таки маркиз Юнчан, а я всего лишь сын простой дворцовой служанки. Сун Лэшань имеет огромный вес перед лицом Его Величества, так что пристроить туда какого-то компаньона для него не составляло труда, — равнодушно бросил Двенадцатый принц.

Конечно, главной причиной было то, что принцев и принцесс развелось слишком много — настолько много, что их благородная кровь давно утратила свою исключительность, что уж говорить о тех, чья привилегия держалась лишь на близости к трону.

Лю Чи неизменно оставался лучшим во всем. Его заучивание текстов, государственные эссе и трактаты всегда занимали первые места. Немного отставали лишь стихи, зато в стрельбе из лука и верховой езде равных ему среди сверстников практически не было. Когда Двенадцатый

принц говорил об этом, в его улыбке проскальзывало нечто подлинное и теплое. — Ты и представить не можешь, каким тогда был Лю Чи...

Гордый, блестящий, невероятно одаренный. На фоне этой толпы мнимых драконьих отпрысков он сиял так ярко, что даже мой августейший отец хвалил его...

Пока в четырнадцать лет Лю Чи не сломал ногу.

— Как это произошло? — немедленно отреагировал Хо Цунцзин.

— Упал с лошади, — взгляд Двенадцатого принца скользнул по лицу гостя. — И вовсе не из-за слабого владения верховой ездой. В той весенней охоте участвовал и Сун Лэшань.

Он пронзил стрелой плечо Лю Чи спереди, из-за чего тот и рухнул на землю. Если бы я не бросился за ними вслед, боюсь, последовала бы и вторая стрела.

Четырнадцатилетний Лю Чи никогда прежде не сталкивался с тем, чтобы кто-то столь открыто и целенаправленно целился в него из лука. Сун Лэшань обеспечил ему сытую жизнь, но его отношение всегда оставалось ледяным, а редкие вспышки внимания неизменно оборачивались жестокими побоями. Тем не менее Лю Чи продолжал испытывать к нему благодарность.

Пока не сорвался с коня.

— А позже он объяснил всё тем, что, мол, плохо видел и по ошибке принял Лю Чи за оленя.

Хо Цунцзин молча слушал его рассказ, но стоило Двенадцатому принцу произнести последние слова, как на его лице застыло выражение крайнего изумления.

— Сун Лэшань же не слепой... — озадаченно протянул Хо Цунцзин. — И вы все поверили в столь нелепую отговорку?

— Звучит и правда смехотворно, — горько усмехнулся Двенадцатый принц. — Но кому, кроме меня, было дело до каких-то оправданий?

В конце концов, то, что он вообще соизволил что-то объяснить, было сделано исключительно из уважения к моему принцевскому титулу.

Хо Цунцзин окинул его долгим взглядом, собираясь что-то сказать, но вовремя прикусил язык.

В конце концов, к чему слова? Хо Цунцзин сам пробился наверх из самых низов и прекрасно знал, насколько безразлично высшие слои общества относятся к тем, кто стоит ниже. А Лю Чи,

рожденный от блудницы и непризнанный маркизом, ценился даже меньше дворцовой служанки или евнуха.

Он лишь молча размышлял о том, каким способом отправить Сун Лэшаня на тот свет.

Будучи Государственным наставником, тот лишь казался недостижимым, но это величие было напускным. Люди, обладающие реальной властью — в особенности военачальники вроде самого Хо Цунцзина, — могли позволить себе плевать на его авторитет.

Другое дело — убить его. Убийство наставника равнялось отсечению десяти лет жизни императора. Кто осмелится на такое? Кто сможет это сделать?

— Единственный, кто способен убить Сун Лэшаня — это сам Император. Любой другой смертный за такое преступление поплатится истреблением всех девяти родов, — тихо произнес Двенадцатый принц, угадав его мысли. — Но если на трон взойду я, то уничтожу его в первую же секунду.

Это было обещание, козырная карта, с помощью которой Двенадцатый принц пытался привязать Хо Цунцзина к своей колеснице.

У Хо Цунцзина не было близких людей, кроме Князя Увэй, а тому чужие подачки были ни к чему. Однако сейчас у Хо Цунцзина появился Лю Чи, и именно он стал единственной точкой опоры для влияния на полководца.

Политика — не более чем межличностные связи и обмен выгодой.

— А тебе не жалко отдать собственные десять лет жизни? — с холодной усмешкой бросил Хо Цунцзин.

Лицо Двенадцатого принца мгновенно стало серьезным:

— Ради Лю Чи я готов умереть.

<http://bllate.org/book/21314/2162818>